

5. Барышникова, Т.Ю. Формы и способы защиты трудовых прав и охраняемых законом интересов в российском трудовом праве : автореф. дис. ... канд. юрид. наук : 12.00.05 / Т. Ю. Барышникова. – Ярослав. гос. ун-т им. П.Г. Демидова ; Ярославль, 2005. – 29 с.

6. Снежко, О.А. Право на защиту – понятие и принципы // Рос. юрид. журн. – 2008. – № 2. – С. 68–73.

7. Васильева, Е.В. Защита профсоюзами социально-трудовых прав работников в условиях рыночной экономики : автореф. дис. ... канд. юрид. наук : 12.04.05 / Е.В. Васильева ; Челябин. гос. ун-т, 2006. – 27 с.

8. Черкашина, А.В. Рассмотрение индивидуальных трудовых споров как способ защиты трудовых прав граждан : автореф. дис. ... канд. юрид. наук : 12.00.05 / А.В. Черкашина ; МГУ. – М., 2006. – 28 с.

9. Коробченко В.В. Защита трудовых прав и интересов работников при процедурах банкротства работодателя : автореф. дис. ... канд. юрид. наук : 12.00.05 / В.В. Коробченко ; СПб. гос. ун-т. – СПб., 2003. – 20 с.

10. Яковлева, А.В. Способы защиты трудовых прав работников: концептуальный аспект : автореф. дис. ... канд. юрид. наук : 12.00.05 / А.В. Яковлева ; МГЮА. – М., 2007. – 33 с.

11. Трудовой кодекс Российской Федерации [Электронный ресурс] : 30 дек. 2001 г., № 197-ФЗ // КонсультантПлюс. Россия // ЗАО «КонсультантПлюс». – М., 2016.

12. Семейный кодекс Российской Федерации [Электронный ресурс] : 29 дек. 1995 г., № 223-ФЗ // КонсультантПлюс. Россия // ЗАО «КонсультантПлюс». – М., 2016.

13. Сапфинова, А.А. Способы защиты трудовых прав, свобод и правовых интересов в сфере труда внесудебными органами государства // КонсультантПлюс. Россия // ЗАО «КонсультантПлюс», 2016.

14. Юдельсон, К.С. Советский гражданский процесс. – М. : Гос. изд.-во юрид. лит-ры, 1956. – 438 с.

15. Иванов, А.Л. Защита прокурором прав и законных интересов граждан в российском гражданском судопроизводстве : автореф. дис. ... канд. юрид. наук : 12.00.11 / А.Л. Иванов ; Акад. Генпрокуратуры РФ. – М., 2009. – 26 с.

16. Бельдюгин, В.Н. Прокурор в гражданском процессе / В.Н. Бельдюгин, Д.В. Швейцер. – М. : МЮ СССР, 1948. – 115 с.

17. Маслова, Т.Н. Проблемы участия прокурора в гражданском судопроизводстве : автореф. дис. ... канд. юрид. наук : 12.00.15 / Т.Н. Маслова ; Саратов. гос. акад. права. – Саратов, 2002. – 24 с.

18. Крутиков, М.Ю. Гражданско-процессуальный статус прокурора // Современное право. – 2007. – № 5. – С. 33–37.

19. Аликов, В.Р. Развитие законодательства об участии прокурора в гражданском процессе России XVIII–XX веков : автореф. дис. ... канд. юрид. наук : 12.00.15 / В.Р. Аликов ; МГЮА. – М., 2001. – 23 с.

20. Исаенкова, О.В. Участие прокурора в искомом производстве / О.В. Исаенкова, А.Н. Григорьев // Арбитражный и гражданский процесс. – 2008. – № 3. – С. 6–11.

21. Фирсова, О.А. Реализация прокурором полномочий по защите трудовых прав граждан в гражданском судопроизводстве : автореф. дис. канд. юрид. наук : 12.00.11 / О.А. Фирсова ; Акад. Генпрокуратуры РФ. – М., 2009. – 28 с.

22. Бывальцева, С.Г. Заключение прокурора в гражданском процессе / Законность. – 2010. – № 5. – С. 30–33.

23. Фирсова, О.А. Проблемы участия прокурора в гражданском процессе. Исковая работа прокурора : учеб.-метод. пособие / О.А. Фирсова, Я.Б. Дицевич. – Иркутск : Иркут. гос. ун-т, 2007.

24. Об обеспечении участия прокуроров в гражданском процессе : приказ Генерального прокурора Российской Федерации от 26 апр. 2012 г., № 181 // КонсультантПлюс. Россия // ЗАО «КонсультантПлюс», 2016.

УДК 34.03

Н.А. Горбатов

О СООТНОШЕНИИ ПРАВА И МОРАЛИ В КОНТЕКСТЕ ПРОБЛЕМЫ ДУАЛИЗМА ЮРИДИЧЕСКОЙ ОТВЕТСТВЕННОСТИ

В сфере регулирования общественных отношений и обеспечения социального порядка и стабильности определяющее место принадлежит двум крупным системам социального регулирования – праву и морали. В процессе своего функционирования они теснейшим образом взаимодействуют, взаимопроникаясь и взаимовлияя. Это обусловлено тем, что право и мораль имеют много общих признаков и черт и их требования во многом совпадают. Право и мораль, являясь регуляторами общественных отношений, преследуют цель их упорядочения, совершенствования, функционируют в одной и той же социально-экономической и культурной среде и служат средством прогрессивного развития общества и т. п.

Несмотря на указанные и другие общие свойства права и морали, право и мораль значительно отличаются друг от друга и обладают существенно специфическими признаками, присущими каждой из этих регулятивных систем. По замечанию С.С. Алексеева, «право и мораль... взаимодействуют, но взаимодействуют именно как особые суверенные явления, каждое из которых при опосредовании общественных отношений выполняет свои особые функции и имеет свою особую ценность» [1, с. 184]. Более того, по утверждению Г.В.Ф. Гегеля, между правом и моралью возможны и противоречия: «Нечто вполне позволительное с точки зрения права может быть чем-то таким, что моралью запрещается» [2, с. 32].

Выяснение общих и отличительных особенностей, соотношения и взаимодействия морали и права важно для правоведения, так как неадекватная оценка, отождествление или неверное отграничение правовых и моральных регулятивных свойств могут привести к неправильным теоретическим выводам и ошибочным практическим решениям. С другой стороны, четкое разграничение права и морали, выявление их общих и отличительных особенностей, свойств их взаимодействия позволяют определить те сферы и виды социальной деятельности, регулирование которых при помощи права представляется оптимальным и где право может функционировать наиболее эффективно.

На необходимость внимательного подхода к анализу соотношения права и морали, важность их разграничения обращал внимание еще

Г. Кельзен: «Методологической чистоте правоправедения угрожает опасность не только потому, что часто не замечают границу, отделяющую его от естествознания, но и – гораздо больше – потому, что правоправедение не отличают (или отличают недостаточно ясно) от этики и, соответственно, не проводят четкое различие между моралью и правом» [3, с. 83].

Как известно, сфера регулятивного воздействия морали значительно шире права. В отличие от морали право не может проникать во все поры общественного организма, регулировать все межличностные отношения. Более того, мораль предполагает усвоение нравственных принципов, касающихся не только отношения человека к другим людям, обществу и государству, но и оценки себя самого как личности и члена общества, – то есть внутренний самоконтроль, осуществляемый при помощи совести как мощного внутреннего побудителя, который направляет поведение человека в русло социальной солидарности.

Но основная специфика нравственной и правовой регулятивных систем проявляется не столько в том, что они предписывают или запрещают, а прежде всего в том, как они это делают, – то есть в способах обеспечения своих предписаний. Главное, принципиальное различие между позитивным правом и моралью состоит, таким образом, в том, что право устанавливает правила поведения членов общества, которые обеспечиваются в необходимых случаях социально организованными актами принуждения, обладает действенными механизмами защиты своих установлений. Эта особенность права подчеркивалась еще в древнеримском правоправедении: «Ubi jus, ibi remedium» – где есть право, там есть и его защита. Мораль не использует такого средства. Санкции морали состоят лишь в одобрении соответствующего поведения и в осуждении противоположного поведения, выражаются в форме духовного воздействия на человека. А о применении физического принуждения вообще речь не идет.

Мораль как одна из форм общественного сознания и социальный институт, регулирующий человеческое поведение, формулирует свои требования не в детализированной форме, а в виде наиболее обобщенных правил поведения. В праве же закрепляются четко определенные права и обязанности. Право по своей природе может эффективно регулировать только те общественные отношения, в которых можно точно определить меру должного и, соответственно, меру корректирующего воздействия в случаях отклоняющегося поведения. Право осуществимо лишь там, где объективно существует исполнимость его предписаний и доказуемость отклоняющегося поведения средствами юридического процесса. В нормах права точно указываются (описываются) запрещенные или дозволенные действия и возможные последствия их нарушения. Нормы права максимально приближены к конкретной ситуа-

ции. В этом смысле, как резонно замечал профессор Даремского университета А. Дж. М. Милл (США), исследовавший соотношение права и морали с юснатуралистских позиций, право в законе может создавать лишь конкретные единичные обязанности, но оно не может налагать общую обязанность подчинения праву. Юридическое предписание соблюдать право бессмысленно. Такую обязанность может налагать только мораль [4, с. 32].

Отличительные особенности права и морали проявляются не только в сферах регулирующего воздействия, способах обеспечения их установлений и других признаках, но также и в понятийно-категориальном аппарате, которым они оперируют и в котором отражается их природа. У них не совпадающие, разные оценочные категории, не всегда совпадают и социальные мерки. В этом плане между правом и моралью, как отмечалось, возможны и противоречия. Эти обстоятельства не всегда учитываются в правоправедении.

Право в отличие от морали пользуется давно сложившимися собственными понятиями и категориями, при помощи которых оценивается поведение людей: правомерно, неправомерно, законно, незаконно, наказуемо, ненаказуемо, имеет юридическое значение, юридического значения не имеет. Право оперирует такими терминами, как «юридическое право», «юридическая обязанность», «правонарушение», «юридическая ответственность», «преступление», «юридический проступок», «правоспособность», «дееспособность» и многими другими.

В нормах морали отражаются совсем иные оценочные критерии и категории. Мораль оценивает поступки людей с позиций добра и зла, она оперирует категориями долга и совести, похвального, постыдного, хорошего, плохого, справедливого, несправедливого, добropорядочного, недобropорядочного, честного, нечестного, добросовестного, недобросовестного, ответственного, безответственного, гуманного, негуманного и т. п.

Эти обстоятельства и вызывают необходимость для правоправедения отграничения правовых и нравственных категорий, исключения их необоснованного противопоставления или отождествления, произвольной трактовки и смешивания или подмены моральной и правовой терминологии. Это важно потому, что практика правотворчества и правореализации (особенно в форме правоприменения) постоянно сталкивается с необходимостью обращения не только к правовым, но и к моральным критериям оценки поведения людей. В этих случаях неправильные, некорректные оценки соотношения права и морали, их понятийно-категориального аппарата способны внести путаницу, дезориентацию в сферу правового регулирования практической деятельности юристов, а в теории правоправедения вызвать ненужные споры, не приносящие пользы ни практике, ни самой теории.

С нашей точки зрения, примером необоснованного отождествления некоторых моральных и правовых категорий, некорректной оценки их свойств и соотношения является возникшая еще в конце 60-х – начале 70-х годов прошлого века конструкция деления юридической ответственности на так называемую позитивную и негативную. Бесполезные споры по поводу указанного дуализма продолжаются уже полстолетия, но юридическая практика так и не восприняла идею наличия позитивной ответственности в сфере права. И это не случайно.

Многие исследователи постсоветского периода не задаются вопросом о причинах появления проблемы дуализма юридической ответственности: почему такой проблемы не существует в зарубежном правоведении, но только в правовой теории ряда постсоветских государств.

В этой связи очень важно обратить внимание на истоки проблемы. Идея позитивной юридической ответственности возникла из сугубо идеологических соображений. Она исходила от партийных философов советского периода, и ее создатели преследовали совершенно определенные цели. В соответствии с марксистской концепцией об отмирании права по мере продвижения к коммунизму и перерастания его в правила коммунистического общежития, которые должны соблюдаться всеми добровольно, из внутренних побуждений, необходимо было подтвердить идеологические выводы партии о зарождении в советском обществе коммунистических общественных отношений и найти признаки формирования человека новой формации, для которого чуждо асоциальное поведение. Такие выводы детерминировали необходимость сужения сферы государственно-правового принуждения. Поскольку им противоречила (мешала) реально существующая юридическая ответственность за правонарушения, в советской философской науке ее стали рассматривать как анахронизм буржуазного правового мышления. Перед правоведами ставилась задача исследования позитивных аспектов юридической ответственности [5, с. 68]. Выполняя эту установку, некоторые правоведы и начали обосновывать наличие позитивной юридической ответственности. Ее конструкция в значительной степени строилась за счет некорректной трактовки, смешивания нравственных и правовых категорий, необоснованной оценки ответственности за правонарушения как негативного явления и отождествления ее с другими правовыми понятиями и категориями. Использовалось и то обстоятельство, что в русскоязычной лексике слово «ответственность» трактуется многозначно, многовариантно. На манипулятивный, искусственный характер трактовки юридической ответственности, имеющей место и в связи с правонарушением и без правонарушения, указывают многие ученые-правоведы.

Создатели конструкции позитивной юридической ответственности утверждали, что она выражается в осознании индивидами своего правового долга [6, с. 75], состоит в добровольном и неукоснительном исполнении ими юридических обязанностей [7, с. 29]; ее отождествляли с чувством ответственности и др. Как заметил в свое время Н.С. Малеин, такая трактовка юридической ответственности вообще отождествляла ее с правом [8, с. 132], то есть весь механизм правового регулирования сводился только к ответственности в позитивном ее понимании. Но поскольку невозможно было игнорировать наличие юридической ответственности, наступающей за противоправное поведение, ее стали оценивать как негативную в противоположность «позитивной».

Рассуждения современных сторонников дуализма юридической ответственности мало чем отличаются, если не считать, что вместо традиционной идеологической риторики периода «развитого социализма» идеи позитивной ответственности иногда увязываются с формированием правового государства.

Приведенный выше фрагмент понимания позитивной юридической ответственности указывает на искусственность ее конструкции. Нетрудно заметить, что она отождествляется и с долгом, и выполнением юридических обязанностей (правомерным поведением), и чувствами как элементами правового и нравственного сознания. Трактуя нравственные категории как правовые, сторонники этой позиции, в сущности, игнорируют наличие в правоведении особого понятийно-категориального аппарата, своей юридической терминологии.

Так, утверждая, что позитивная юридическая ответственность выражается в осознании индивидами своего правового долга, что она проявляется в чувстве ответственности и т. п., ее сторонники тем самым теоретически объединяют нравственные представления с категориями права. Как известно, долг – это основная категория морали. Осознание правового долга означает в данном случае не что иное, как понимание и восприятие индивидами необходимости следования правовым требованиям как особой нравственной обязанности, выполняемой из внутренних побуждений, побуждений совести. С точки зрения права это относится к выполнению юридической обязанности, как норма права предусматривает точную меру и вид обязанного, должного поведения. Чувство ответственности также является нравственным чувством, это особый вид эмоциональных переживаний, относящийся к осознанию и оценке личностью своего поведения, своей деятельности как не противоречащих интересам других людей, общества в целом.

Следует также учитывать, что осознание необходимости чего-либо относится всецело к сфере сознания человека. Нравственно-психологическое внутреннее состояние сознания личности, характеризующее образ ее мыслей, играющее важную мотивационную роль, может иметь юридическое значение только тогда, когда проявится в объективно выраженном акте поведения.

Необходимо подчеркнуть, что даже само именование одного из аспектов юридической ответственности – позитивная – носит отчетливо оценочное моральное значение. Называя добровольное выполнение субъектами правовых обязанностей позитивной юридической ответственностью, сторонники ее наличия лишь констатируют, в сущности, факт положительной оценки общественной нравственностью такого поведения. Понятие «позитивный», то есть положительный – это моральная оценка, одобрение добросовестного исполнения правовых обязанностей. Право же в данном случае пользуется своим термином: добросовестное выполнение правовых обязанностей в правоведении обозначается понятием «правомерное поведение» – поведение, соответствующее правовым нормам или не противоречащее им. Остается при этом только догадываться, зачем понадобилось правомерное поведение называть юридической ответственностью.

С точки зрения морали, правомерное поведение может оцениваться и как ответственное поведение, поскольку субъекты такого поведения осознают и учитывают интересы других людей, общества в целом, что отвечает нравственным требованиям. В результате некорректной трактовки указанных нравственных оценок правомерное поведение необоснованно превращается в юридическую ответственность с приставкой «позитивная».

Мораль оценивает правомерное поведение положительно и потому, что оно оказывает (должно оказывать) благоприятное воздействие на развитие событий в будущем. Как известно, создавая нормы права, законодатель обязан прогнозировать, просчитывать возможные последствия правовых нововведений на развитие общественных отношений в максимально отдаленном будущем. Но это вовсе не означает, что субъекты правомерного поведения несут, как считают некоторые авторы, некую перспективную юридическую ответственность. Юридически невозможно отвечать за то, чего не существует в действительности. Отдаленное, предполагаемое развитие событий, которое невозможно предвидеть, не может быть основой для каких-либо юридически значимых выводов или требований. Как уже упоминалось, право создает только точно определенные, реально исполнимые и контролируемые предписания, имеющие в своей основе фактические отношения, складывающиеся между людьми – следовательно, дающие возможность в

их рамках определять не только меру должного поведения, но и возможность предвидения последствий отступления от этого должного. Отсутствие такой возможности исключает юридическую ответственность.

Следует обратить особое внимание на необоснованную и, как нам представляется, ошибочную трактовку юридической ответственности за правонарушение как негативную. Такая трактовка носит отнюдь не нейтральный, отвлеченный характер, как считают некоторые. Ее звучание носит отчетливо отрицательный оценочный характер. В русском языке понятие «негативный» означает «отрицательный», «плохой», «лишенный положительных качеств» [9, с. 367, 438, 481]. В контексте затронутой проблемы очевидно, что здесь отрицательные характеристики противоправных деяний необоснованно перенесены на юридическую ответственность – в результате формируется, создается «образ» этого института как плохого и даже общественно вредного (чем бы ни объясняли введение этого понятия).

Между тем нет никаких свидетельств отрицательной оценки с точки зрения морали этого юридического явления (института). Мораль определенно осуждает правонарушения, но не ответственность за них. Если с позиции морали юридическая ответственность за определенные деяния признается обоснованной, оправданной, соразмерной деянию, она однозначно расценивается как средство защиты от обмана, насилия и произвола, средство восстановления справедливости как мера охраны законных интересов подавляющего большинства граждан. Юридическая ответственность за правонарушение выполняет важнейшие охранительные и предупредительные функции. Ее принудительный аспект не самоцель, он служит, главным образом, задачам предостережения и социальной защиты; с другой стороны, указывает на главное свойство права, отличающее его от других социальных регулятивных систем. Если бы отпала необходимость в государственно-правовом принуждении, то это свидетельствовало бы о ненужности права, что утопично в силу несовершенства человека. Если следовать логике исследователей, оценивающих юридическую ответственность за правонарушение как негативное явление, то следовало бы подобным образом оценивать все формы социальной защиты от асоциальных деяний, да и вообще всякое сопротивление злу.

Таким образом, введение в оборот создателями модели двухаспектной юридической ответственности понятия «негативная» в отношении ее традиционного понимания, с нашей точки зрения, нельзя признать обоснованным. Объективно такая ее оценка вызывает только нигилистические настроения и амбивалентные чувства в отношении восприятия права как социальной ценности. Тем не менее следует особо отме-

тить, что в настоящее время массовое сознание воспринимает, понимает юридическую ответственность как претерпевание правонарушителем определенных лишений за свое асоциальное поведение, как справедливое возмещение, насколько это возможно, нанесенного урона и восстановление нарушенного общественного порядка. Такое ее понимание сложилось исторически. Примерно так определяется общее понятие ответственности и в словарях русского языка [9, с. 427], а также в зарубежной юридической литературе [3, с. 146–149]. Невзирая на все усилия сторонников позитивной юридической ответственности, это понятие не приживается в обществе, что их и удручает.

Общественное сознание отторгает, не признает возможности юридической ответственности и за правонарушение, и за правомерное поведение – за то, что наряду, например, с преступниками ответственность несут и добропорядочные, правопослушные граждане. Пояснения о наличии «плохой» и «хорошей» юридической ответственности не воспринимаются. Как уже упоминалось, указанной категории не знает и юридическая практика.

В этой связи полезно напомнить, что еще в древнеримском праве утвердилось правило, согласно которому «*non ex opinionibus singulorum, sed ex communi usu, nomina exaudiri debent*», что означает: «слова следует понимать не в соответствии с мнением отдельных лиц, а в соответствии с общепринятым словоупотреблением».

Итак, конструкция дуалистического (двухаспектного) понимания юридической ответственности, созданная, главным образом, на основе смешения ряда нравственных и правовых категорий, необоснованного придания моральным понятиям юридических свойств, некорректного использования правовой терминологии и др. не приносит положительных результатов. Несмотря на длительное обсуждение специалистами проблемы позитивной юридической ответственности, нет никаких свидетельств о ее положительном влиянии на состояние законности и правопорядка, нет примеров того, что она способствует расширению сферы правомерного поведения. Скорее всего, она вносит лишь путаницу в сознание людей, нарушает четкость и стройность понятийного аппарата. Такая трактовка юридической ответственности приводит к стиранию, нивелированию особенностей качественно разнородных явлений, порождает, как отмечалось, нигилистические настроения в оценках права.

При внимательном анализе аргументов сторонников введения в право категорию позитивной юридической ответственности можно утверждать, что, в сущности, речь идет не о юридической ответственности и даже не о правовом явлении – речь идет о проблеме формирования в сознании членов общества таких установок, таких

мотивов поведения, которые с позиций широкого философско-социологического понимания категории «ответственность» побуждали бы индивидов к добровольному выполнению их нравственного долга и правовых обязанностей. Поведение людей – это результат проявления вове определеного качественного состояния сознания личности, это превращение внутреннего состояния человека в действия по отношению к социально значимым субъектам [10, с. 67], то есть речь о формировании личности, осознающей свое положение в обществе и действующей с учетом общесоциальных интересов. Такая постановка вопроса вовсе не нова. О формировании высокосоциальной, активной, социально ответственной личности в период «развитого социализма» в СССР исписаны горы бумаги, однако эта проблема, хоть и в несколько иной постановке, не теряет актуальности и в современных условиях: очевидно, что она носит общественный характер. Не вызывает сомнений, что желаемое состояние сознания индивидов, в том числе и в сфере права, совершенно не зависит от деления юридической ответственности на негативную и позитивную, от умозрительных рассуждений и создания на их основе нежизненных теоретических построений, уходящих корнями в идеологию советского прошлого.

В общесоциальном плане такое состояние сознания личности обусловливается уровнем социально-экономического развития общества, четким функционированием всех социальных институтов и государственного управления в особенности. А в собственно правовой сфере добровольное, сознательное исполнение правовых норм зависит, кроме того, и от постоянной, кропотливой работы по совершенствованию процессов правотворчества и правореализации, поиску новых правовых средств, способствующих преодолению отчужденности личности от общих социальных забот. Особенно важно, чтобы в правовых нормах и юридической практике адекватно и справедливо отражались интересы и потребности людей. Как правильно замечает В.Н. Протасов, «только учет и согласование интересов всех социальных субъектов (индивидуальных и коллективных) выступает подлинной основой и гарантией осуществления правовых требований» [11, с. 21]. Именно названные факторы и оказывают определяющее воздействие на формирование в сознании личности мотивов правомерного поведения. Несомненно, что общесоциальные задачи расширения сферы добровольного выполнения индивидами социальных норм, в том числе в правовой сфере, могут осуществляться не на основе двухаспектной трактовки юридической ответственности. Если речь идет о состоянии сознания индивидов, то необходимо исследовать процессы его формирования, анализировать факторы правовой действительности, оказывающих определяющее воздействие на воспри-

ятие и оценку людьми различных аспектов правовой жизни. Следует напомнить, что в теоретико-правовой литературе уже давно замечено, что то, что некоторые авторы именуют позитивной юридической ответственностью, является не чем иным, как активными элементами правосознания [1, с. 204].

Научные работы по проблемам правосознания и правовой культуры с достаточной определенностью свидетельствуют, что в процессе общей и правовой социализации в сознании индивидов на многофакторной основе формируются знания о праве и его ценности, а также относительно устойчивые мотивы и установки, предопределяющие соответствующее поведение. Говоря обобщенно, правовая действительность как элемент социальной жизни, отражаясь в сознании людей, формирует образ права и определенное к нему отношение – соответственно, и поведение, имеющее юридическое значение. Если факторы правовой жизни, существенно влияющие на состояние правосознания, оцениваются личностью положительно – как отвечающие ее интересам или им не противоречащие – право воспринимается как разумное и необходимое. Это, в сущности, и есть та движущая сила, которая рождает мотивы и установки правомерного поведения. Характер поведения индивидов в сфере права, таким образом, предопределяется уровнем их правосознания и правовой культуры.

Следовательно, необходимо дальнейшее научное исследование вопросов правосознания и правовой культуры в целях принятия надлежащих практических мер. Весьма важно отслеживать процессы, существенно влияющие на формирование правосознания личности, выявлять и нейтрализовывать факторы, оказывающие отрицательное воздействие на развитие этого процесса. Возможно, это привело бы к пониманию неконструктивности дуалистической трактовки юридической ответственности и избавило бы юридическую науку от сомнительных терминологических манипуляций, обозначения одним и тем же понятием совершенно противоположных юридических состояний и др.; сделало бы ненужными и схоластические споры о наличии позитивной и негативной юридической ответственности.

Очевидно, что юридическая ответственность, как она воспринимается общественным сознанием, не должна быть ни позитивной, ни негативной: она должна быть всесторонне обоснованной и справедливой с позиций интересов личности, государства и общества. Ее следует рассматривать как специфическое правовое явление, имеющее свои особенности, и не смешивать с другими видами социальной ответственности, категориями права и морали.

Известный русский правовед и философ И.А. Ильин писал: «Целью права является – установить совместную жизнь людей так, чтобы на

столкновения, взаимную борьбу, ожесточенные споры тратилось бы как можно меньше душевных сил» [12, с. 24]. Добавим: тем более, если эти споры бесплодны.

1. Алексеев, С.С. Общая теория права : в 2 т. / С.С. Алексеев. – М. : Юрид. лит., 1981. – Т. 1. – 360 с.
2. Гегель, Г.В.Ф. Работы ранних лет : в 2 т. / Г.В.Ф. Гегель. – М. : Мысль, 1973. – Т. 2. – 630 с.
3. Чистое учение о праве Ганса Кельзена / сб. пер. ; отв. ред. В.Н. Кудрявцев, Н.Н. Разумович. – Вып. I. – М. : АН СССР, ИНИОН, 1987. – 195 с.
4. Актуальные проблемы правоведа за рубежом. – Вып. 1. – М. : АН СССР, 1989. – 186 с.
5. Косолапов, Р.И. Свобода и ответственность / Р.И. Косолапов, В.М. Марков. – М. : Политиздат, 1969. – 95 с.
6. Строгович, М.С. Сущность юридической ответственности / М.С. Строгович // Совет. государство и право. – 1979. – № 5. – С. 72–78.
7. Назаров, Б.Л. О юридической истине позитивной социальной ответственности / Б.Л. Назаров // Совет. государство и право. – 1981. – № 10. – С. 29–38.
8. Малейн, Н.С. Правонарушение: понятие, причины, ответственность / Н.С. Малейн. – М. : Юрид. лит., 1985. – 192 с.
9. Ожегов, С.И. Словарь русского языка / С.И. Ожегов. – Изд. 12-е, стереотип. – М. : Русский язык, 1978. – 846 с.
10. Социальная психология : краткий очерк / Г.П. Предвечный [и др.]; под ред. Г.П. Предвечного, Ю.А. Шерковина. – М. : Политиздат, 1975. – 319 с.
11. Протасов, В.Н. Теория права и государства. Проблемы теории права и государства. Вопросы и ответы / В.Н. Протасов. – М. : Новый юрист, 1999. – 240 с.
12. Ильин, И.А. Порядок или беспорядок? / И.А. Ильин. – М. : Народное право, 1917. – 46 с.

УДК 340.1

А.В. Григорьев

ПОНЯТИЕ ЗАЩИТНОГО ПРЕДПИСАНИЯ И ЕГО МЕСТО В СИСТЕМЕ МЕР ИНДИВИДУАЛЬНОЙ ПРОФИЛАКТИКИ

Правоприменительная деятельность органов внутренних дел (далее – ОВД), являющаяся средством реализации правоохранительной функции, нуждается в постоянном совершенствовании в силу возрастания конфликтности и других социальных противоречий в общественной жизни, пробелов в правовом регулировании и т. п. Так, несовершенство правового регулирования нередко является причиной коллизий и пробелов в законодательстве, что может повлечь нарушения принципа законности в правоприменительной деятельности. ОВД в своей профессиональной деятельности наиболее часто применяют нормы административного, административно-процессуального, уголовного, уго-